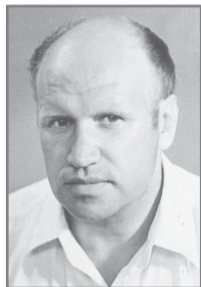


Во вселенной то жарко, то холодно

К 75-летию поэта

Станислав ГОРОХОВ

* * *
Были в небо деревни трубами
Обгорелых, как спички, печей...
Уцелевший в той страшной убыли,
до сих пор из военных ночей
колыбельную хрипов и стонов
слышу я от погибших родных –
тех, почти тридцати миллионов...
Одиноко мне нынче без них.



Я пинаю под репицу Воланда:
«Тормози!» Отвечает: «Лады...»

Сам же прёт на четвёртой космической –
разогнался, коварный прохвост.
(Я, ребята, не падок на мистику,
я, ребята, охочий до звёзд).

А его в наказание за пакости
(приставал же он, шельма, к жене!)
я запряг по-ямщицки, по-мастерски,
изловив ещё там, на Луне.

Так мы с дьяволом лихостью мерились.
(Вот какого, скажите, рожна?)
А на Вегу мы всё-таки сверзились:
отомстил за подвох Сатана.

* * *
Нужна ль нам демократия – не ясно,
с колен подняться сможем ли, кряхтя?
Народ наш смиренный жаждет сладострастно
хрюк оплеухи от руки вождя!

В душе лелея преданность собачью,
душа роптанья робкий шепоток,
народ наш руку бьющую вождячью
лобзает готов под каждый волосок...

* * *
Был сон...Мне голос подавал
мой – неродившийся! – ребёнок.
Он плакал, рвался из пелёнок...
Я подошёл, поцеловал –
в прозрачность слёз и нежность кожи –

родное личико его,
весь замирая в сладкой дрожи...

Проснулся: пусто. Ни-че-го...

* * *

Юрию Кузнецову

Что важно гостю? Не застрячь в дверях.
Ломай капкан домашнего уюта!
Айда в тайгу, без всякого маршрута:
нет подлости в растениях и зверях.

И нет разгула рыночных страстей...
Цветы в рублях не ценят аромата.
Здесь, салютая в честь больших дождей,
из пней стреляют залпами опять!

Тайга не огород, она ничья.
И, может, потому в ней так интимно.
А детский лепет чистого ручья –
он громче государственного гимна.

* * *

В стране, где пылают леса, как мартены,
контужены визгом пожарной сирены,
по горло засыпаны пеплом бабла,
мы греемся искрой... людского тепла.

* * *

Вот и слякоть ликует уже!
Жизнь дворнягой прижалась к порогу...
Из камней, что лежат на душе,
намостить бы сквозь осень – дорогу.

* * *
У власти – свой особый этикет.
Король всегда перед народом – голый.
И все же он одет...в АВТОРИТЕТ! –
костюм, увы, и пышный, и тяжёлый...

Король, срамец, идёт среди двора.
Летят века – ни дна им, ни покрывки.
А мы – глядим. А мы – вопим: «Ура!!!»
И нет средь нас наивного мальчишки.

* * *

Сергею Есенину

Нежный лирик, отмеченный гением,
весь истерзанный жутким прозрением,
смертью выкрикнул нации: «SOS!!!»
Он не к городу маялся ревностью:
угадал ведь, что вместе с деревнею
вся Россия пойдёт под откос...

* * *

Владимиру Бояринову

Во вселенной то жарко, то холодно:
мы летим от звезды до звезды.

Поэт, рисующий дожди

Владимир Лория дружен не только с пером, но и с кистью. С этюдником он исходил заповедные места Ставрополя и Грузии. В общении с ним невольно вспоминаются акварели Лермонтова, быстройлётные, узнаваемые рисунки Пушкина. Он работает в технике масляной живописи, но Владимиру и в картинах, и в стихах удаётся акварельная чистота, уточнённая и необыкновенная трепетная лёгкость. Нелегко нести свет добра, любви и сострадания, ступая по ухабистому бездорожью нашей жизни. Но не смотря ни на что, хочется повторить слова известного русского поэта, нашего современника: «Были, есть и будут в России поэты, ибо поэзия – это не то, что нужно, а без чего невозможно жить ни по ту, ни по другую сторону России. Нет и никогда не будет для русских поэтов времён последних, ибо в наших поэтических строках бьётся и светится время вечное».

Эдуард ХАНДЮКОВ

К 70-летию поэта

Владимир ЛОРИЯ

* * *
Волна уходит, галькою шурша.
Безмолвный берег ширится покато.
И под сурдинку здесь поёт душа
стихающего к вечеру пассата.
Ласкает мальву, треплет стебли трав,
Поёт о тайнах пенистого моря,
О кратком счастье, что, со мной устав,
Ушло навеки за седые горы.

Лейтенант

Как дразнила кокетством маня
И разрезом двусмысленным юбки.
В пестроте того летнего дня,
В колыханьи кренящейся шлюпки,
И под сенью тенистой ольхи,
И под сенью развесистой вербы,
Он читал ей, наивный, стихи,
Весь на крыльях воздушных гипербол.
Шлюпка днищем ударилась в ил,
Отстранив с холодком лейтенанта –
Он на Пруста лицом походил,
Не лишённый ума и таланта.
И пошла эта женщина прочь,
И навеки забыла мальчишку...
Он погиб в ту июньскую ночь,
Не успев написать свою книжку.

Монастырь

Ни крика птицы, ни души,
И над моею головою,
Октябрь истекал листвою,
Во мгле окраинной глуши.
Гора и небо, монастырь.



Над ним величественна тайна –
Непостижимая бескрайность,
Небес неведомая ширь.
Вошёл монах со мною в храм.
И он сказал мне, что, быть может,
Отчаянье одно и то же,
Приводит к разным берегам.
И он ушёл, старик-грузин.
И дух святой во храме этом
На фресках вспыхнул рдяным светом,
Когда остался я один.
И вновь пришёл – старик-грузин,
Принёс иконку мне на память
И канул в лиственную замять.
Тревожный журавлиный клин
Тянулся в небе бесконечном,
Где мир слагается навечно,
Под оком Троицы – один.

Сан-Мало. Час отлива

*Один из великих французских писателей
захотел покоиться здесь, чтобы
слушать только шум моря и ветра.
Прохожий, уважай его последнюю волю!
Надпись на могиле Шатобриана*

У самой кромки океана,
Где волн сиреневых излом,
Где прах лежит Шатобриана
У стен суровых Сан-Мало,
Я наблюдал впервые диво,
С закатом мрачным заодно, –
Всю ширь великого отлива,
Когда вдруг обнажилось дно.
И по песку, по створкам устриц,

Туда, где вереск, бересклет,
Я шёл полоской суши узкой
На остров, где почил поэт.
Сезон был мёртвый, без регаты.
Тонул гагары жалкий крик,
Да ветра слышалась кантата –
Всё то, к чему давно привык
Поэта прах. И под луною,
На много миль морских окрест,
Сроднился вечно с тишиною
Гранитный тёмно-серый крест.
А там, за кисеей тумана,
Спешили к Дувру корабли...
И дух витал Шатобриана
Над этим краешком земли.

Другое море

Казалось мне, что времени волной
Не захлестнёт, я всё свершить успею...
Мерцала, как и прежде, надо мной
Гирляндой золотой Кассиопея.
И облако, как викинга ладья,
Чей парус под луной,
надутый, светел,
В другое море – море забытья –
Унёс навеки синекрылый ветер.
Я положил прошедшее на кон:
Мечты былые, радости и страсти;
Развёл в теснине трепетный огонь,
Чтоб высушить
в душе своей ненастьё.
И в бесноватых отблесках огня
Неумолимо надвигались горы,
Шумело море – море забытья, –
Мерцавшее вдали, другое море.